

В.А. Садикова

Тверской государственной университет, г. Тверь

ТОП «ИМЯ»

Ключевые слова: слово, имя, топ, языковые категории, структурно-смысловые модели, мышление, язык, высказывание.

В статье рассматривается топ ИМЯ как метакатегория языка и структурно-смысловая модель высказывания. В основу анализа положены категории Аристотеля и языковая концепция А.Ф. Лосева.

V. A. Sadikova

Tver State University, Tver

TOPOS «NAME»

Key words: word, name, topos, language categories, semantic-structural model, thinking, language, utterance.

Topos «Name» is viewed as a language metacategory and a semantic-structural model. Aristotle's categories and A.F. Losev's language theory are used as the theoretical base of the analysis.

С о к р а т. Мы утверждаем, что тождество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании; было оно прежде, есть и теперь. Это не прекратится никогда и не теперь началось, но есть, как мне кажется, вечное и нестареющее свойство нашей речи. ...Но теперешние мудрецы устанавливают единство как придется – то раньше, то позже, чем следует, и сразу после единства помещают беспредельное: промежуточное же от них ускользает

Платон, 1994: 12–13

Вписывая ИМЯ в систему структурно-смысловых моделей высказывания (топов), мы шли от того понимания имени, которое вкладывает в него А.Ф. Лосев в своей работе «Философия имени». В то же время мы стремились осмыслить ИМЯ, во-первых, именно с лингвистических позиций, во-вторых, в максимально практическом плане, на основе употребления в речи.

Как и для А.Ф. Лосева, для нас ИМЯ равно СЛОВУ, любое слово есть ИМЯ. Такое отождествление возможно исключительно на основании *обобщающей* функции слова и языка в целом, которая напрямую выводит на связь языка и мира, касается не только и не столько слов и имен, сколько *вещей* в широком смысле. А.Ф. Лосеву удалось установить *естественную* связь имен и вещей, нашедшую выражение в лаконичном «имяславском» тезисе, который Л.Г. Гоготишвили отмечает как ведущий, но своеобразно

толкуемый в работе А.Ф. Лосева: *имя вещи есть вещь, но вещь не есть имя* (Гоготишвили, 2009: 8, 19).

Здесь нашла отражение главная отличительная особенность подхода А.Ф. Лосева как философа к проблеме языка: для него неприемлемо разделение на онтологию и гносеологию (Гоготишвили, 1993: 910). Полагаем, как раз это обстоятельство и позволило ему предложить миру оригинальную и продуктивную концепцию языка, недооцененную в полной мере и сегодня. В самом деле, как возможно *отдельно* бытие и познание? Вещь бытует, она есть, но познается через имя, через язык. Без имени она глуха и слепа сама по себе и невидима для нас, и мы ничего не можем о ней *сказать* друг другу.

Чтобы *сказать*, надо *мыслить*. Отсюда второе исключительно важное для лингвиста положение языковой концепции А.Ф. Лосева: для того, чтобы появился *язык*, необходимо появление *мышления*. К сожалению, «часто забывают, что для языка необходимо мышление» (Лосев, 1982: 94).

Совершенно очевидно, что мышление не обязано существовать в вербальной форме. До того, как *стать* вербальным, оно (мышление) должно пройти огромный путь невербального развития. *Сначала* возникает *необходимость* языка, и только *потом* сам язык как *называние, именование* вещей. Мышление неизбежно предшествует языку. Для нас убедительны в этом плане весьма простые вещи. Например, в телевизионной передаче «Записки натуралиста» ведущий рассказывает о жизни шимпанзе в заповеднике: некоторые животные любят думать; для того, чтобы обезьяны не скучали без «творческой» деятельности, для них расставляют специальные «хитрые» кормушки, и чтобы пообедать, они должны *придумать*, как достать корм. У этих обезьянок нет еще потребности вербально выражать свои мысли, но есть потребность *в решении* определенных практических задач. Значит, мышление у них *уже* есть, а языка *еще* нет.

Существование авербального общения в жизни людей, которое «свидетельствует о наличии иных, альтернативных форм мыслительных процессов» (Романов, 2004: 22), все чаще подтверждается научными исследованиями в самых разных аспектах. Правомерно предположить, что и вербальное, и авербальное общение базируется на неких общих принципах, *общих категориях*. Общеизвестна точка зрения, разделяемая многими учеными, что язык появляется в ответ на потребность в коммуникации. Однако в процессе *непосредственного* общения с *присутствующими наглядно* предметами такая потребность не может возникнуть: достаточно показать, мол, делай, как я (*уже функционирует топ СОПОСТАВЛЕНИЕ!*). Но чтобы можно было *сказать в отсутствие* интересующей нас в данный момент вещи, надо, чтобы у нее было имя. Чтобы *сказать*, надо – до этого – *назвать*. Язык возникает от осознания потребности в именовании. И язык есть определенный *этап в развитии* мышления – абстрактного, обобщающего, но *не момент возникновения* мышления. Так – в тесной взаимосвязи – реализуются языком *функция именования* (структурно-

смысловая модель ИМЯ) и *функция обобщения* (структурно-смысловая модель ОБЩЕЕ – ЧАСТНОЕ).

Если мы захотим диахронически выделить момент возникновения ИМЕНИ в системе «общих мест» как смысловых моделей в риторике, то увидим, что ИМЯ в качестве *категории* приходит на смену самой «категорийной», самой «первичной», самой «сущностной» категории СУЩНОСТЬ. Для того чтобы в этом убедиться, нужно сравнить категории, предикабилии и топы Аристотеля, «места» Цицерона, «источники изобретения» Квинтилиана, «десять первых начал» и дополнительные категории Порфирия, «места риторические» М.В. Ломоносова и проследить, как этот список трансформируется (Садикова, 2009: 6-52).

Замена СУЩНОСТИ на ИМЯ нам представляется самой значительной из всех исторических трансформаций категориального плана. Неожиданной она кажется только на первый взгляд и становится совершенно правомерной, если вслед за А.Ф. Лосевым проследить все «пласты», все «слои», все «уровни» СЛОВА-ИМЕНИ (а в конечном итоге – *смысла*), которых насчитывается у А.Ф. Лосева 67 (шестьдесят семь). Именно А.Ф. Лосев обосновывает эту трансформацию, хотя очевидно не ставит перед собой такой задачи. Эту особенность функционирования ИМЕНИ вместо ВЕЩИ отмечает и А.А. Потебня еще в конце 19-го века, рассматривая ее не в философском, а в совершенно естественно-языковом плане: «По верованиям всех индоевропейских народов, слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих *слово* и *вещь* (курсив А.А. Потебни), сколько распространенным *на все слова* (курсив мой. – В.С.) верованием, что они обозначают сущность явлений». Это высказывание А.А. Потебни приводит С.Н. Булгаков (1999: 346). И уже тогда совершенно правомерно – не теологически, а именно лингвистически – и то, что «слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит, однако, мир не есть слово» (Булгаков, 1999: 35). Совершенно очевидное совпадение с А.Ф. Лосевым.

Последним – универсально-синтетическим – шестьдесят седьмым уровнем слова А.Ф. Лосев полагает «смысл в модусе метода меонально-сущностного определения, или эйдетически-сущностный логос» (Лосев, 2009: 214–215), где эйдос – *сущность*, энергия, а в конечном итоге – *имя* вещи, одновременно совпадающее и не совпадающее с нею; меон – противоположное, «*иное*» вещи, материя, которая наполняет и окружает ее; логос – *метод* выявления сущности-эйдоса (разъясняя проблему эйдоса – меона, А.Ф. Лосев отсылает читателя к антично-средневековым концепциям, потому что «учение о меонально-сущностном логосе может быть понято лишь после анализа антично-средневекового учения о потенции и энергии» (Лосев, 2009: 294–295)).

Собственно, все «слои» слова, выделяемые философом А.Ф. Лосевым, для лингвиста не актуальны. Однако знать их, полагаем, необходимо, чтобы представлять вполне отчетливо место «нормально-человеческого» (по Лосеву) слова в мире и в разуме, в действительности и в мышлении. Под «человеческим словом» А.Ф. Лосев понимает реальное, выраженное слово-

имя естественного языка, живую человеческую речь. Но у этого «человеческого» слова есть «до-предметные» корни, которые начинаются с «членораздельного звука, издаваемого голосом человека» (Лосев, 2009: 100-101) и предметная сущность – «последнее оправдание и опора всех качеств, свойств и судеб произносимого слова» (там же, с. 158). А слово, понимаемое как *имя* предмета, есть «арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого... Имя предмета есть цельный организм его жизни в иной жизни, когда последняя общается с жизнью этого предмета и стремится перевоплотиться в нее и стать ею. Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и не индивидуален, не сущий, он – чисто животный организм или, если еще человек, умалишенный человек» (там же, с. 113). Тогда как «знать имя вещи значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от нее. Знать имя значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью. Ибо имя есть сама вещь в аспекте своей понятости для других, в аспекте своей общительности со всем прочим» (там же, с. 253).

Топос (по Лосеву) – одна из пяти форм эйдетической предметности имени, в числе которых, кроме *топоса*, еще *схема*, *эйдос в узком смысле*, *символ* и *миф*. Каждая из форм есть ракурс рассмотрения эйдоса как такового, точка зрения на один и тот же смысл, *понимание одного и того же сущего*, но как бы *в разной степени и с разных сторон осмысленного* (Лосев, 2009: 175 – 183). Каждая из форм есть в то же время один из «слоев» имени с соответствующим порядковым номером в числе упомянутых выше шестидесяти семи: *схема* – 48, *топос* – 49, *эйдос в узком смысле* – 50, *символ* – 51, *миф* – 52.

А.Ф. Лосев вообще придает огромное значение числу, числовой характеристике имени, а эйдос полагает возможным быть выраженным числом, «как взаимоотношение его элементов» (там же, с. 175). *Схема* понимается А.Ф. Лосевым здесь в самом обычном смысле, который и сегодня вкладывает в это понятие любой человек, пожелавший понять самый общий смысл предмета, его размеры, пропорции, форму. «Это – то, что мы называем 48) *схемой*, или *схематическим слоем эйдоса* («Menge» – «множество» в смысле *Кантора*), – составляемость и составленность целого из частей, когда целое охватывает части при помощи идеи, выходящей за пределы значимости каждой части. <...> Это – совокупность идеально-математических характеристик предмета» (Лосев, 2009: 175–176; курсив А.Ф. Лосева).

«Топос» А.Ф. Лосева – закономерно следующий «слой» слова-имени, выделяемый им в эйдосе-сущности. Это «*момент качественной определенности*», «*качественная наполненность этой схемы*» (там же, с. 176; курсив А.Ф. Лосева). «Эту совокупность идеально-качественных моментов эйдоса назовем 49) *морфным*, или *топологическим моментом*» (там же). Так А.Ф. Лосевым выделяется не просто *структурность* слова, но его

качественная структурность, в отличие от *количественной*, отраженной в «схематическом слое эйдоса».

Однако «нужно все эти схемно-морфные моменты подчинить более высокому и общему смыслу, чтобы получилась определенная вещь, – пишет далее А.Ф. Лосев. – Нужен момент эйдоса в узком смысле этого слова. Это 50) момент идеально-вещной, или категориальной, определенности эйдоса. Тут выдвигается категория единичности, одного» (там же; курсив А.Ф. Лосева).

Таким образом, эйдос в узком смысле отличается от схемного и морфного (топологического) моментов своей бо'льшей частностью: только здесь можно, наконец, говорить о единичной вещи, о ее определенности, которая связывается в первую очередь с ее функциональностью. Пример А.Ф. Лосева: «Если перед нами эйдос топора, то схемой этого эйдоса будет совокупность наглядно данных математических характеристик, морфе – совокупность наглядно данных умно-качественных определенностей, эйдосом в узком смысле – явленность этой вещи как определенного орудия для рубки» (там же, с. 176–177).

Почему А.Ф. Лосев не переходит сразу же от *схемы* (момент 48) к *эйдосу в узком смысле* (момент 50)? Полагаем, это связано с тем, что именно топос – это то *промежуточное* между множеством и единством в нашей речи, на которое указывал еще Платон.

Казалось бы, следующий «слой» имени должен раскрывать уже эту единичность, конкретность вещи, но А.Ф. Лосев говорит не о *вещи*, а о ее *имени*, о слове, которое «сама вещь, но в аспекте ее уразуменной явленности», «постигнутая вещь, с которой осмысленно общается человек» (Лосев, 2009: 245). Осмысленное общение с вещью через ее имя – это общение с ее эйдосом, энергией, *смыслом*. Чтобы понять это общение диалектически, надо понять и его «иное», поэтому следующий момент постижения слова-имени есть *символ*. «Символ – не эйдос, но воплощенность эйдоса в инобытии, и притом не обязательно в реальном и фактическом инобытии. Символ в собственном смысле слова есть именно не реальный переход в инобытие, но *смысловая же* вобранность инобытия в эйдос» (там же, с. 178; курсив А.Ф. Лосева). Например, если топор – *орудие* для рубки, то *секира* или *меч* – при определенном родовом сходстве с топором – уже не только *другая вещь*, но и *символ*: А.Ф. Лосев пишет, что Зевса древние греки изображали в виде секиры, а Р. Вагнер создал целую мистическую концепцию меча Зигфрида (там же, с. 177). При этом и *меч*, и *секира* остаются в то же время разновидностями определенных *вещей*, различие которых нам оперативно доступно только благодаря их *именам*. Да и *топор* тоже способен «вобратить» в свой эйдос «инобытие». Например, во фразеологизме *зарыть топор войны* «инобытие» проявляет себя как метонимия, которая, в свою очередь, образуется тем, что ЧАСТЬ замещает ЦЕЛОЕ. Слово-символ становится здесь уже *высказыванием-символом*. Через *фразеологизм*, который имеет ряд общих со *словом* характеристик, становится понятным, что и высказывание как таковое обладает теми же

«слоями» и «модусами», которые А.Ф. Лосев выделяет в слове. Ведь по большому счету и в слове, и в высказывании «есть только смысл и больше ничего». При этом *смысл* понимается очень широко, без разделения на логику и эмоции, рациональную и чувственную составляющие. А чувственно-эмоциональное и рационально-логическое может рассматриваться как «инобытие» друг друга, которое сталкивается в *символе* и превращается в некое новое гармоническое целое.

Таким образом, вместо того, чтобы перейти к фактической, конкретной, реальной вещи, А.Ф. Лосев предлагает ее крайнюю противоположность – *символ*. И это глубоко оправданно, потому что «имя есть не только физическая вещь» (Лосев, 2009: 168). Имя «интеллигентно модифицируется... в символический момент сущности, превращается в живую речь, в слово, воплощенное или долженствующее воплотиться. Символ становится живым существом, действующим, говорящим, проявляющим себя вовне» (там же, с. 169), который в следующей своей ипостаси трансформируется в *миф*: «Символ, интеллигентно модифицированный, есть *миф*» (там же, с. 180). А миф еще более, чем фразеологизм, приближается к *высказыванию*: первое значение слова «миф» в современном толковом словаре – древнее народное *сказание*.

Таким образом, с одной стороны, «ущербность нашего слова заключается в том, что оно изолировано (Курсив А.Ф. Лосева), хотя и сохраняет в себе все моменты определения первоначальной сущности» (Лосев, 2009: 223); с другой стороны, между словом и высказыванием нет непроходимой границы.

Неразрывная – целостная – связь слова с высказыванием подчеркивается и С.Н. Булгаковым: «Имя есть скрытое суждение, неразвернутое предложение» (Булгаков, 1999: 89); «имя есть первоначально сказуемое, получается в результате скрытого суждения», «сказуемость предшествует номинативности» (там же, с. 90). И наоборот: «Всякое суждение есть именование *in pace*, облечение смыслом» (там же, с. 94).

Практически о том же самом пишет А.Ф. Лосев: «Если остановиться на отдельном слове, то слово не есть понятие, но есть определенным образом выраженное понятие; слово о вещи не есть сама вещь, но определенным образом выраженная вещь, определенным образом понятая вещь, т.е. определенным образом интерпретированная вещь» (Лосев, 1982: 98). А *слово как интерпретированная вещь* – уже суждение, уже *высказывание*.

Таким образом, с одной стороны, «всякое слово есть конкретное употребление общей идеи» (Булгаков), с другой стороны, «слово...есть... определенным образом понятая вещь» (Лосев). Правомерно предположить, что *конкретное употребление* неизбежно и есть *определенным образом понятое*. И то, что для А.Ф. Лосева *общая идея*, для С.Н. Булгакова, который идет от А.А. Потебни, – *внутреннее слово* (Булгаков, 1999: 30), которое для него отнюдь не субъективно, но изначально.

Вернемся к топу (топосу) и топике и сделаем некоторые выводы.

1) Общее и частное в слове градуировано, имеет степени, что совершенно наглядно отражено в работе А.Ф. Лосева «Философия имени», в его 67 «слоях», и топос слова есть его *качественно определенная* схема или – применительно к «человеческому» слову – *общая идея* слова. При этом каждый «слой» слова-имени содержит в себе *весь* эйдос, *всю* сущность, и тем самым слово сохраняет свою целостность.

2) Общая идея *конкретного* слова имеет продолжение в своем «ином» – как в сторону еще большей конкретизации (и тогда это *употребление* слова и тем самым *интерпретация* вещи, которая именуется этим словом), так и в сторону еще большего обобщения (и тогда это ИМЯ как структурно-смысловая модель, заменяющая категорию СУЩНОСТЬ в ментальном плане).

3) Слово-имя сказуемостно, т.е. содержит в себе свернутое высказывание. Это убедительно обоснованно, кстати, в когнитивной лингвистике парадигмой концептуальности: см. определения концепта и его анализ в (Прохоров, 2008). В речевой практике часто бывает достаточно для высказывания одного слова-имени.

На основании вышесказанного ИМЯ можно рассматривать и как *частный случай высказывания*, употребление конкретного слова в реальной речевой практике *в качестве* высказывания, и как *одну из структурно-смысловых моделей высказывания* – наряду с другими структурно-смысловыми моделями (топами), такими как ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ и т.д. Подробнее см. в (Садикова, 2009: 98–120). В то же время ИМЯ может рассматриваться как метакатегория, как замена самой *сущности* вещи в ментальном плане, где *вещь* понимается очень широко, не только как физическая вещь реального мира, но и как реалья ментального, интеллигентного, «умного» (по А.Ф. Лосеву) мира человека.

Нельзя сказать, что топология сегодня совсем чужда ученым-гуманитариям. Например, А.Ш. Тхостов предлагает феноменологическое исследование, посвященное топологии субъекта, которая «не совпадает с эмпирическими границами его тела: она может быть как вынесена вовне, так и погружена внутрь тела и даже в само содержание сознания» (Тхостов, 1994: 3–12). Сегодня ученые обращаются к топологии скорее как к научной метафоре с элементами экстраполяции, что, конечно же, закономерно, и в ряде случаев дает важные научные результаты. Например, понятие *топономы*, введенное А.Я. Бродецким для анализа внеречевого общения и успешно примененное А.А. Романовым для анализа визуальной интеракции, составления ее типовой структуры и описания закономерностей ее функционирования (Романов, 2004: 18–22). Однако можно, на наш взгляд, говорить о *лингвистической топологии* как о глобальной гуманитарной парадигме, способной стать одним из ведущих принципов гуманитарного, филологического, лингвистического исследования в целом.

Топы как структурно-смысловые модели одинаково важны и тогда, когда мы говорим, и тогда, когда мы воспринимаем речь – и устную, и письменную, а *именование* многими учеными воспринимается как главная функция языка. (Это значит, что топ ИМЯ можно полагать ведущим в категориальной системе структурно-смысловых моделей – топов). Например:

– «Речь сводится к именованию, осуществляемому в сложных, расчлененных и богато организованных формах, но все это богатство и пышность убранства не затемняет и не отменяет единства функции, а функция эта есть, повторяем, ИМЕНОВАНИЕ» (Булгаков, 1999: 133).

– «Чтение – это работа, <...> и метод этой работы – топологический» (Барт, 2009: 54). Р. Барт подчеркивает принципиальную объективность и систематичность этого метода, где исключительно важную роль играет именование: «Читать – значит выявлять смыслы, а выявлять смыслы – значит их именовать; <...> эти получившие имена смыслы устремляются к другим именам, так что имена начинают перекликаться между собой, группироваться, и эти группировки вновь требуют именования: я именую, отбираю имена, снова именую, и в этом-то, собственно, и заключается жизнь текста: она есть становление посредством номинации, процесс непрерывной аппроксимации, метонимическая работа» (там же).

Таким образом, топ ИМЯ первоначально и «первопричинно» определяет смысловое пространство языка, потому что в ментальном плане ИМЯ равноправно СУЩНОСТИ бытия.

Литература

1. Барт Р. S/Z. -Пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат. -3-е изд. - М.: Академический проект, 2009. – 373 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. - СПб.: Наука, 1999. – 448 с.
3. Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос. - М.: Мысль, 1993. – С. 906–923.
4. Гоготишвили Л.А. Радикальное ядро «Философии имени» А.Ф. Лосева // А.Ф. Лосев. Философия имени. - М.: Академический проект, 2009. – С. 5–28.
5. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. - М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
6. Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Академический проект, 2009. – 300 с.
7. Платон. Филеб // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3.- М.: Мысль, 1994. – С. 7–78.
8. Постовалова В.И. «Философия имени» А.Ф. Лосева и подступы к ее истолкованию // А.Ф. Лосев. Философия имени. - М.: Академический проект, 2009. – С. 29 – 78.
9. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. - М.: Флинта; Наука, 2008. – 170 с.
10. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // А.А. Романов, Ю.А. Сорокин.

Соматикон: аспекты невербальной семиотики. - М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. – С. 6–158.

11. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.

12. Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. 1994. - Т 2., № 3. – С. 3–12.

References

1. Bart R. S/Z [S/Z]. - /Per. s fr. G.K. Kosikova i V.P. Murat. -3-e izd. - М.: Akademicheskiiy proyekt, 2009. – 373 s.

2. Bulgakov S.N. [Philosophy of the name *Filosofiya imeni*]. - SPb.: Nauka, 1999. – 448 s.

3. Gogotishvili L.A. Religious and philosophical language status [Religiozno-filosofskiy status yazyka] // A.F. Losev. Bytiye. Imya. Kosmos. - М.: Mysl, 1993. – S. 906–923.

4. Gogotishvili L.A. Radical core of A.F. Losev's " Philosophy of the name " [Radikalnoye yadro «Filosofii imeni» A.F. Loseva] // A.F. Losev. *Filosofiya imeni*. - М.: Akademicheskiiy proyekt, 2009. – S. 5–28.

5. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth [Znak. Simvol. Mif]. - М.: Izd-vo MGU, 1982. – 480 s.

6. Losev A.F. Philosophy of the name [Filosofiya imeni]. - М.: Akademicheskiiy proyekt, 2009. – 300 s.

7. Platon. Fileb [Fileb] // Platon. Sobr. soch. v 4-kh t. Т. 3.- М.: Mysl, 1994. – S. 7–78.

8. Postovalova V.I. F. Losev's "Philosophy of the name" and approaches to its interpretation [«Filosofiya imeni» A.F. Loseva i podstupy k yeye istolkovaniyu]// A.F. Losev. *Filosofiya imeni*. - М.: Akademicheskiiy proyekt, 2009. – S. 29 – 78.

9. Prokhorov Yu.E. In search of concept [V poiskakh kontsepta]. - М.: Flinta; Nauka, 2008. – 170 s.

10. Romanov A.A. Psycho semiotics of visual communication in somatografical space [Psikhosemiotika vizualnoy kommunikatsii v somatograficheskom prostranstve] // A.A. Romanov, Yu.A. Sorokin. *Somatikon: aspekty neverbalnoy semiotiki*. - М.: IYa РАН, TvGU, 2004. – S. 6–158.

11. Sadikova V.A. Topika: history, theory, practice [Топика: istoriya, teoriya, praktika]: Monografiya. Tver: Tver. gos. un-t, 2009. – 188 s.

12. Tkhostov A.Sh. The topology of the subject (experience of phenomenological research) [Topologiya subyekta (opyt fenomenologicheskogo issledovaniya)] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14, Psikhologiya. 1994. - Т 2., № 3. – S. 3–12.